

**А. Н. МОСКАЛЕНКО И ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯН
ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА
ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(К 100-ЛЕТИЮ А. Н. МОСКАЛЕНКО: 29.05.1918–28.10.1981)***

А. З. Винников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 октября 2017 г.

Аннотация: в статье освещается вклад А. Н. Москаленко, доцента ВГУ, в изучение истории и археологии восточнославянской группировки, осваивавшей в последних веках I тыс. н. э. бассейн Среднего и Верхнего Подонья. Рассматриваются проблемы заселения данного региона славянами, их хозяйственный уклад, погребальные обряды, религиозные воззрения, получившие освещение в работах А. Н. Москаленко.

Ключевые слова: А. Н. Москаленко, Верхний и Средний Дон, боршевская культура, славяне, городище, курганный могильник.

Abstract: the article highlights the contribution of A. N. Moskalenko, an associate professor of VSU in the study of the history and archeology of the East Slavic grouping, which is mastering the 1st millennium BD in the last centuries the basin of the Middle and Upper Donets. The problems of the development of the given region by the Slavs, their economic structure, funeral rite, religious views, received coverage in the works of A. N. Moskalenko are considered.

Key words: A. N. Moskalenko, Upper and Middle Don, Borshevskaya culture, Slavs, ancient settlement, burial mound.

Анна Николаевна Москаленко приехала в Воронеж в 1947 г. из Саратова, где работала старшим преподавателем в Саратовском государственном педагогическом институте. В 1945 г. ею была успешно защищена кандидатская диссертация «Северяне (по данным археологии)». Научным руководителем был известный археолог В. И. Равдоникас.

До этого она окончила Ленинградский университет, ее учителями были М. И. Артамонов, П. И. Борисковский, П. Н. Третьяков, В. В. Мавродин и другие замечательные историки и археологи.

На следующий год после прибытия в Воронеж А. Н. Москаленко организовала поездки на археологические памятники в бассейне Дона. Первые годы работы ею организованной археологической экспедиции Воронежского университета были направлены на ознакомление с археологическими памятниками, хорошо известными по литературе, и на выявление новых, которые могли бы пополнить археологическую карту Воронежской области. Кроме того, не

имея возможности для организации собственных полевых исследований, А. Н. Москаленко вместе со студентами-историками Воронежского университета, членами организованного ею археологического кружка, активно работала в академической палеолитической экспедиции в с. Костенки, где были заложены основы творческого содружества с такими всемирно известными учеными, как П. И. Борисковский, М. М. Герасимов, С. Н. Замятнин, А. Н. Рогачев, общение с которыми сыграло немалую роль в профессиональном росте А. Н. Москаленко.

Конец 40-х – начало 50-х гг. – это для А. Н. Москаленко время творческого поиска, выбора своей научной темы, которая стала бы для нее определяющей в полевых работах на многие годы. Ею исследуются памятники эпохи бронзы, раннего железного века, по которым у нее и были первые публикации.

Естественно, возникает вопрос, почему А. Н. Москаленко, защитив диссертацию по славянской тематике, не сразу продолжила свои археологические изыскания в той области, которая была ей ближе всего. Трудно сейчас точно и конкретно ответить на этот вопрос, можно только предположить, что после весьма результативных раскопок славянских памятников в конце 20-х гг. XX в. на реках Дон и Воронеж и блестящей публикации их результатов в работе

* В основу данной работы положена статья: Винников А. З. А. Н. Москаленко и изучение донских славян / А. З. Винников // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж: Издательство ВГУ, 2008. С. 6–20.
© Винников А. З., 2018

П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова в 1948 г. [1] трудно было решиться приступить к теме, которая, казалось, получила освещение в литературе, и в ближайшие годы вряд ли будет необходимость внесения каких-либо коррективов в те представления о донских славянах, которые содержались в публикации. К тому же в 1947 г. Б. А. Рыбаковым была опубликована статья, посвященная географии расселения полян и северян в Поднепровье [2]. В 1948 г. вышла книга П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена», в которой материалы раскопок славянских памятников бассейна Дона занимают большое место [3]. Кроме того, памятниками донских славян очень интересовался И. И. Ляпушкин, который их посещал еще до войны, работая над темой «Славяно-русские поселения IX–XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам» [4]. Был он на ряде донских городищ, в том числе и на Титчихинском в 1950 г. [5, с. 21].

В послевоенный период появился также ряд статей И. И. Ляпушкина по истории и археологии славян днепро-донского междуречья, в которых он активно использовал материалы раскопок памятников донских славян и высказал ряд интересных соображений относительно донского славянства эпохи раннего Средневековья [6; 7]. Вполне могло сложиться впечатление, что эта ниша – памятники донских славян – занята и является объектом интересов довольно маститого исследователя-слависта, одного из любимых учеников М. И. Артамонова и имевшего уже к тому времени высокий авторитет в научных кругах И. И. Ляпушкина. Не случайно А. Н. Москаленко, публикуя славянские материалы из раскопок Архангельского городища 1952–1953 гг., заканчивала свою статью словами: «Что касается полученных нами материалов боршевского времени, то для специалистов, изучающих славянскую культуру VIII–X вв., они, несомненно, будут интересны» [8, с. 94]. Из контекста этой фразы можно сделать вывод, что она себя к таким специалистам не причисляет. И хотя эта статья была опубликована в 1956 г., но написана была значительно раньше.

И лишь после того, как И. И. Ляпушкин сосредоточил свое внимание на славянах Днепровского Левобережья и раскопках Новотроицкого городища (1952–1954 гг.), А. Н. Москаленко в 1954 г. приступила к аналогичным крупномасштабным раскопкам Титчихинского городища на р. Дон и окончательно определила свои научные интересы – археология и история донских славян.

Почему за основной объект исследования было взято Титчихинское городище? Во-первых, памятник обладает хорошей сохранностью культурного слоя и доступен для исследования широкой площадью; во-вторых, географическое положение этого памятника (самое южное славянское поселение на Среднем

Дону), граничащего с хазарским миром, открывало возможности для изучения специфики культуры и этнических процессов в пограничной, контактной зоне.

В 1965 г. вышла книга «Городище Титчиха», в которой опубликованы материалы раскопок и подведены итоги исследования этого замечательного памятника [5].

Памятник исследовался в течение девяти полевых сезонов (1954–1962 гг.). Всего на разных участках поселения было вскрыто 7188 м². На этой площади изучено 46 полуземляночных жилых построек, 79 хозяйственных ям, которые можно связать со славянским поселком. Была изучена оборонительная система городища – обе линии валов и рвов, в которых выявлены деревянные оборонительные конструкции. Собрана большая и разнообразная коллекция вещей из металла (железа, бронзы, серебра), глины, кости, камня. Из культурного слоя и из построек получено значительное число костей животных, рыб, птиц, коллекция злаков и зерен других культур. Весь этот материал весьма информативен и дал возможность А. Н. Москаленко существенно расширить представления о донских славянах, сложившиеся в литературе на основании предыдущих раскопок, а в ряде случаев внести в них серьезные коррективы [там же].

Исследованием Титчихинского городища полевые работы на памятниках донских славян не ограничились. В первой половине и в середине 60-х гг. XX в. раскопки велись на Малом и Большом Боршевских городищах, на Боршевском могильнике, где был получен значительный материал, во многом дополнявший результаты раскопок этих памятников в конце 20-х – начале 30-х гг. экспедицией ГАИМК и Воронежского областного краеведческого музея. В эти же годы отрядом экспедиции Воронежского университета проводились разведки на Верхнем Дону (на р. Быстрая Сосна и Красивая Меча), р. Воронеж (руководитель А. Д. Пряхин).

Со второй половины 60-х гг. в своих полевых исследованиях А. Н. Москаленко стала больше внимания уделять славянским памятникам на р. Воронеж. И на то были свои причины. Во-первых, по состоянию здоровья она уже не могла ездить на длительные сроки в экспедиции, но совсем отойти от полевых исследований не хотела, а памятники, расположенные на окраине г. Воронежа и в ближайшей его округе, давали возможность не отрываться от этого вида работы археолога. Во-вторых, и это, наверное, самое главное, уже тогда было ясно, что славянские памятники на р. Воронеж обладают определенной спецификой, которая требовала более тщательного и глубокого их изучения. Раскопки славянских памятников на р. Воронеж ею были проведены в небольшом объеме, но и эти исследования дали определенный материал,

который вместе с данными раскопок в конце 20-х – начале 30-х гг. в этом регионе несколько дополнили сложившиеся представления о культуре славян в лесостепном Подонье.

Еще в ходе исследования Титчихинского городища А. Н. Москаленко опубликовала статью, которая призвана была подвести итоги исследования донских славян на конец 50-х гг. XX в. и наметить пути, по которым эта работа должна быть продолжена [9]. В этой статье рассмотрена история накопления знаний о славянских памятниках бассейна Дона с 70-х гг. XIX в. Она отметила значительную роль воронежских краеведов конца XIX – начала XX в. Л. Б. Вейнберга, Е. Л. Маркова, А. И. Мартиновича, А. Н. Милютина, С. Е. Зверева и других в выявлении и описании ряда славянских поселений и курганных могильников и первые, порой не совсем удачные, опыты раскопок ими этих памятников. Она дала в статье краткую характеристику работ, проведенных известным отечественным археологом А. А. Спицыным, на памятниках у с. Борщево на Дону в 1905 г.

Значительное внимание в данной статье уделено рассмотрению результатов работ экспедиции ГАИМК в 1928–1929 гг. на славянских памятниках у с. Борщево на Дону и на ряде поселений и могильников на р. Воронеж, а также раскопкам городища у санатория им. М. Горького в 1932–1934 гг. сотрудниками Воронежского краеведческого музея. Во-первых, А. Н. Москаленко подчеркнула большую значимость проведенных раскопок и их публикации для изучения истории донских славян и восточных славян в целом. Во-вторых, она отметила ряд спорных выводов, к которым пришли авторы книги на основе раскопок. Прежде всего это касается особенностей общественных отношений у донских славян, в которых, по мнению авторов книги, четко прослеживаются устои родового строя. Основанием для таких выводов были на Боршевском могильнике коллективные захоронения, а на Большом Боршевском городище соединенные между собой переходами жилые и хозяйственные постройки. При этом нужно отметить, что несколько раньше И. И. Ляпушкин в одной из статей убедительно доказал, что на Большом Боршевском городище были не соединяющиеся между собой постройки, а разновременные, частично перекрывающие друг друга жилые и хозяйственные сооружения [10]. А. Н. Москаленко отметила в статье, что во время раскопок Титчихинского городища в первые четыре полевые сезона также не обнаружено никаких сообществ между собой помещений, образующих единые хозяйственные и жилые комплексы. Все это лишало авторов концепции «родового строя» у донских славян одного из важнейших аргументов.

В рассматриваемой статье А. Н. Москаленко впервые говорит о том, что «...удалось выделить на

Среднем и Верхнем Дону особую культуру, названную... культурой боршевского типа и для которой характерны особый тип керамики, погребального обряда, домостроительства» [9, с. 144]. Она разбирает ключевые дискуссионные проблемы, связанные с этой культурой. Это, прежде всего, вопросы хронологии памятников и племенной принадлежности населения, их оставившего. При этом А. Н. Москаленко подчеркнула, что для решения этих вопросов требуются новые археологические раскопки, существенное расширение источниковой базы.

В данной статье А. Н. Москаленко не только подводила итоги изучения боршевской культуры на определенном этапе ее изучения, но и поставила определенные задачи, без решения которых история донских славян не могла быть освещена с достаточной полнотой. Среди них: 1) происхождение и племенная принадлежность; 2) тип домостроительства и погребальная обрядность; 3) специфика материальной культуры; 4) контакты населения боршевской культуры с соседними народами [там же, с. 145]. Эти задачи А. Н. Москаленко поставила прежде всего перед собой, и в своих последующих работах на этих проблемах и на ряде других она сосредоточила свое внимание при изучении донских славян.

В 1958 г. вышла книга И. И. Ляпушкина «Городище Новотроицкое», в которой опубликованы материалы практически полностью раскопанного памятника [11]. В этой книге и ряде статей И. И. Ляпушкин высказал свое понимание истории славян Днепровского Левобережья, подвергнув аргументированной и справедливой критике ряд положений П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, выдвинутых в книге «Древнерусские поселения на Дону». Но И. И. Ляпушкин, будучи сторонником единства восточнославянского мира накануне и в период образования Древнерусского государства, а также в начальный период его истории, свои выводы по всем вопросам истории и культуры славян Днепровского Левобережья распространил и на славян Верхнего и Среднего Дона, объединив их в единую роменско-боршевскую культуру, не видя какой-либо специфики в культуре населения Донского региона.

Исследование Титчихинского городища и полученные в процессе раскопок материалы дали возможность А. Н. Москаленко охарактеризовать многие стороны культуры донских славян. И по ряду вопросов ее выводы совпадали с теми, которые были сделаны И. И. Ляпушкиным по материалам исследования Новотроицкого городища.

Располагая относительно хорошей сохранностью остатков дерева почти во всех жилищах, А. Н. Москаленко выделила два типа деревянных конструкций облицовки стен котлованов жилищ: срубные и каркасно-столбовые. Анализируя отопительные соору-

жения в жилищах, А. Н. Москаленко выделила четыре типа печей, исходя из характера материала, из которого они изготовлены. При этом, полемизируя с И. И. Ляпушкиным, который полагал, что различия в устройстве печей объясняются условиями, «в которых данные жилища сооружались, – в зависимости от наличия строительных материалов» [там же, с. 168], она считала, что различие в материале, из которого сложены печи, может быть объяснено, с одной стороны, определенной традицией, сложившейся в данном районе, а с другой – этнографическими факторами [5, с. 52].

Еще один вопрос, который имел принципиально важное значение при анализе материалов Титчихинского городища, – это уровень развития хозяйства и формы хозяйственной деятельности славян лесостепного Дона в конце I тысячелетия н. э. В работе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова «Древнерусские поселения на Дону» довольно четко проводится мысль об архаике и примитивности культуры донских славян. «Вещественный материал, исходящий из раскопок Большого Боршевского городища, поражает своей примитивностью, особым отпечатком архаики» [1, с. 45]. В качестве аргументов приводилось малое количество среди находок изделий из железа, преобладание среди орудий труда предметов из кости [там же, с. 48–50].

И. И. Ляпушкин убедительно показал, что уровень материальной культуры славян Днепровского Левобережья накануне образования Древнерусского государства был достаточно высок. Во всех сферах хозяйственной деятельности (земледелие, металлургия и металлообработка, домашние промыслы) население достигло значительных успехов. Он подчеркивал, что «в этом обществе были заложены основы высокоразвитой материальной культуры Древней Руси» [11, с. 230]. И эти взгляды И. И. Ляпушкина распространялись и на донских славян в связи с тем, что он, как уже отмечалось, объединял памятники Днепровского Левобережья и донских славян в единую археологическую культуру.

А. Н. Москаленко активно поддержала в этом вопросе И. И. Ляпушкина. Материалы Титчихинского городища и других памятников дали ей возможность достаточно полно осветить хозяйственную сферу жизни славянского населения Верхнего и Среднего Дона. Исследование Титчихинского городища не только подтвердило мысль о наличии земледелия у донских славян как ведущей отрасли хозяйства, но и дало новые материалы, свидетельствующие о его достаточно высоком уровне развития. Находки широколопастного наральника, целого и нескольких обломков серпов, ручных жерновов, большого числа зерновых ям, остатков самого зерна ячменя, гороха, пшеницы, ржи позволили, по мнению А. Н. Моска-

ленко, поставить сельскохозяйственное хозяйство донских славян в один ряд с земледелием в других районах восточнославянского мира. Эту же мысль А. Н. Москаленко проводила относительно и ряда других отраслей хозяйства донских славян: животноводства, охоты, рыболовства. Анализируя остеологический материал с Титчихинского городища, она подчеркнула, что большое число костей диких животных (57,8 %) не свидетельствует о примитивности хозяйства его жителей. Развитию охоты способствовали благоприятные природные условия и большой спрос во внешней торговле на меха [5, с. 70–71]. Но это ни в коем случае не дает оснований ставить охоту на первое место в хозяйстве боршевцев. При этом А. Н. Москаленко отметила, что «охота у донских славян... играла большую роль, чем у славянского населения других районов» [там же, с. 73].

Говоря о металлургии и металлообработке у населения боршевской культуры, она отмечала высокий технологический уровень обработки металла. Ему были знакомы многослойная сварка железа и стали, цементация железных клинков, различные виды термообработки. Как показал анализ металлических изделий, в изготовлении определенных видов продукции славянские мастера применяли те же технологические схемы, что и городские кузнецы X–XI вв. [там же, с. 89]. Кроме того, А. Н. Москаленко отметила, что ассортимент железных изделий, обнаруженных на славянских поселениях в Подонье, достаточно разнообразен (топоры, серпы, лемехи, ножи, ножницы, долота, шилья, пряжки и т. д.), что свидетельствовало о том, что железные изделия широко вошли во все сферы хозяйства и быта славянского населения Подонья.

А. Н. Москаленко одна из первых рассмотрела внешнеэкономические связи донских славян. Представив сводку кладов и отдельных находок арабских монет на территории Верхнего и Среднего Дона, проанализировав весь комплекс вещей восточного происхождения (бусы лимонные, глазчатые, зонные и другие, стеклянные браслеты, различные типы восточных украшений, керамические изделия), она пришла к выводу, что славянское население лесостепного Дона вело активную торговлю с Хазарским каганатом, со Средней Азией, Ближним Востоком. И это никак не согласовывалось со сложившимися в литературе на начало 60-х гг. XX в. представлениями, «что в конце I тысячелетия район Среднего и Верхнего Дона был глухой окраиной Древнерусского государства со слабо развитыми торговыми связями» [там же, с. 128].

Таким образом, господствовавшее не одно десятилетие в отечественной науке мнение об архаичности культуры донских славян, низком уровне ее развития по сравнению с другими группами восточ-

нославянского населения работами А. Н. Москаленко было достаточно аргументированно опровергнуто на большом хорошо обработанном археологическом материале.

Большое место А. Н. Москаленко уделяла изучению религиозных представлений донских славян. Впервые этот вопрос ею был затронут при публикации материалов раскопок городища Титчиха. У Титчихинского городища, к сожалению, А. Н. Москаленко не обнаружила могильника. Неизвестен он и до сих пор. Может быть, этим можно объяснить ее замечание, с которым трудно согласиться, что «исследование курганов (речь идет о Боршевском могильнике. – А. В.) давало материалы лишь о немногих чертах язычества у славян Подонья» [там же, с. 167]. Среди материалов Титчихинского городища, которые можно связать с язычеством, ею упоминаются, прежде всего, амулеты из костей различных животных (просверленные астрагалы бобра, косули, из зубов медведя, лисы), изображение рыбы, сделанное из обрубка рога, различные костяные поделки с гравировкой. Кроме того, в некоторых элементах орнамента керамики, по мнению ученого, можно проследить языческие мотивы.

В 1966 г. А. Н. Москаленко опубликовала раскопанное отрядом экспедиции ВГУ (руководитель А. Д. Пряхин) языческое святилище на Воргольском городище на Верхнем Дону [12]. Святилище представляло собой глинобитную площадку, окруженную ямами, в заполнении которых встречены значительное количество золы, углей и отдельные вещи. В центре площадки расчищена яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,4 м, рядом с которой лежал скелет лошади, где найдены три железных наконечника стрелы. Вокруг этой ямы на глинобитной площадке было несколько золых пятен – остатки кострищ. Статья эта привлекла внимание исследователей, так как открытие подобных культовых комплексов – явление довольно редкое [13, с. 164–165; 14, с. 262].

В данной статье была высказана мысль о том, что Воргольское городище было своеобразным культовым центром. Об этих функциях Воргольского городища она писала и в книге, вышедшей в 1981 г. [15, с. 129–130], в последней своей работе, в которой наблюдается и несколько иная оценка погребальных памятников донских славян с точки зрения их возможностей для реконструкции языческих воззрений.

Анализируя отдельные элементы устройства погребальных сооружений и обряда, выявленных на Боршевском могильнике и в курганах на р. Воронеж (трупосожжение за пределами кургана или на месте будущего кургана; наличие или отсутствие деревянных конструкций в виде погребальной камеры; место расположения камеры, ее ориентировка и устройство; наличие круговой оградки; глиняные сосуды в камерах

с кальцинированными костями или без них и другие признаки), А. Н. Москаленко пришла к заключению, что «погребальный обряд населения Подонья в конце I тысячелетия н. э. является прекрасной иллюстрацией погребений, совершенных по языческому обряду, одним из главных компонентов которого можно назвать культ огня и солнца» [там же, с. 125–126].

Продолжая анализ вклада А. Н. Москаленко в изучение погребального обряда донских славян, необходимо отметить, что в ее исследованиях погребальный обряд является прежде всего одним из важных источников для решения проблемы истории и истоков заселения славянами бассейна Дона. Это хорошо проявилось в одной из ее статей, посвященной проблеме формирования славянского населения бассейна Дона [16]. В ней впервые была высказана мысль о неоднородности славянского населения на данной территории, что и проявилось в погребальном обряде. Даже в пределах одного Боршевского могильника А. Н. Москаленко выделила четыре группы погребений: курганы с камерами и оградками; курганы с оградками, но без камер; курганы с камерами, но без оградок; курганы без оградок и без камер. Также неоднороден, по ее мнению, погребальный обряд и на могильниках на р. Воронеж.

В статье «К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона» она с еще большей уверенностью подчеркнула, что «погребальные традиции населения Верхнего и Среднего Дона в конце I тысячелетия н. э. при всем их сходстве не были такими едиными на всей территории, занятой племенами боршевской культуры, как это представлялось ранее. Предварительно можно говорить о двух районах, где преобладали свои специфические черты: Средний Дон (Боршевский могильник) и р. Воронеж (Лысогорский, Белогорский и другие могильники)» [17, с. 109–110]. К сожалению, эта мысль о двух локальных регионах на территории боршевской культуры у А. Н. Москаленко не получила какого-либо развития ни на материалах могильников, ни на других источниках.

Одной из главных проблем, стоявших в центре внимания А. Н. Москаленко, было определение племенного состава славянского населения бассейна Дона. Она довольно подробно в ряде работ изложила историографию данной проблемы, начиная с работ Н. П. Барсова, П. В. Голубовского, О. И. Багалея и других историков, филологов, лингвистов, археологов конца XIX – начала XX в. Вполне справедливо, замечала она, что исследование данной проблемы без привлечения археологических материалов невозможно, так как письменные источники по истории донских славян отсутствуют [16, с. 119]. Но даже и после проведения в конце 20-х – начале 30-х гг. раскопок у с. Борщево и на р. Воронеж однозначного ответа на

этот вопрос отечественными исследователями также не было дано, хотя подавляющее их большинство полагало, что на Дону обитали вятичи, переселившиеся с Верхней Оки. Лишь И. И. Ляпушкин занимал в этом вопросе, как пишет А. Н. Москаленко, обособленную позицию, высказывая предположение о том, что донские славяне – это одно из племен, упоминаемых в письме Хазарского царя Иосифа – «с-л-виюнь». Но в то же время И. И. Ляпушкин, объединяя славянские памятники Левобережья Днепра – роменские и Дона – боршевские в единую роменско-боршевскую культуру, вероятно, их объединял и в единый северянский племенной союз [там же, с. 120–121]. На этом историографическом фоне А. Н. Москаленко, рассматривая проблему освоения славянами Донского бассейна, писала, что в основе оно вятчское и связано с Верхней Окой, но и в погребальном обряде, и в керамическом комплексе, и в устройстве жилищ, особенно их отопительных сооружений, прослеживается племенная неоднородность, за которой скрывается приток населения из других регионов восточнославянского мира [там же, с. 142–144].

В чем заключаются причины появления поселений славян в бассейне Верхнего и Среднего Дона? По мнению А. Н. Москаленко, их могло быть несколько, но главная из них, на которую указывал еще П. Н. Третьяков, «стремление восточных славян освоить новые плодородные земли». Кроме того, возможно, указывала А. Н. Москаленко, это были беглые зависимые люди, осваивающие далекие окраины славянского мира. Еще на одно обстоятельство обратила внимание А. Н. Москаленко: в неурожайные, голодные годы, которые были нередки в Восточной Европе в IX–X вв., «земли по правому берегу Дона и его притокам, очевидно, привлекали переселенцев» [там же, с. 133–134].

Большое внимание в ряде работ А. Н. Москаленко уделила вопросу хронологии славянских памятников на Дону. Она подчеркнула, что практически все исследователи датировали памятники боршевской или роменско-боршевской культуры VIII–X вв. При этом каждый памятник, безусловно, имел более конкретную дату функционирования. Городище Титчиха на основе нумизматического материала, всего комплекса вещей А. Н. Москаленко датировала с IX по X в. включительно [5, с. 149].

К вопросу хронологии памятников боршевского типа она обратилась и в статье, посвященной происхождению славянских поселений на Дону, в которой анализировался каждый памятник с точки зрения его хронологии. В этой статье она подвела итог своим исследованиям в данном вопросе, считая, что имеющиеся материалы «не позволяют относить время появления памятников боршевского типа к VIII веку» [16, с. 124–132].

По мнению А. Н. Москаленко, славянские поселения на Дону появились не ранее IX в., а некоторые, возможно, и в X в. [там же, с. 132]. При этом она неоднократно подчеркивала, что в самом конце X в. все славянские поселения на Дону пустели, население их покидало из-за угрозы разгрома со стороны кочевников южнорусских степей.

Одним из сложных вопросов в изучении донского славянства является их социальная структура, общественные отношения. Как известно, по результатам раскопок в конце 20-х – начале 30-х гг. памятников боршевского типа было высказано мнение о наличии у донских славян родовых устоев, что нашло отражение в планировке жилых и хозяйственных построек [1, с. 11]. На материалах Новотроицкого городища И. И. Ляпушкин убедительно доказал, что славянский поселок на месте городища представлял собой территориальную общину, отличительной чертой которой являлось объединение малых семей, не связанных родством, «живущих в отдельных домах и ведущих свое отдельное хозяйство» [11, с. 224].

Материалы раскопок Титчихинского городища подтвердили наблюдения И. И. Ляпушкина. А. Н. Москаленко подчеркнула, что о наличии на городище малых, экономически самостоятельных семей свидетельствовали однокамерные, изолированные друг от друга небольших размеров постройки. Население Титчихинского городища, как, впрочем, и Новотроицкого, составляло общину, основанную на принципе соседства, т. е. территориальную общину [5, с. 163–165].

Привлекая обширный этнографический материал, анализируя планиграфию раскопанных жилищ и не раскопанных, но хорошо фиксируемых на поверхности в виде западин на Титчихинском городище, а также курганных групп на Боршевском могильнике, А. Н. Москаленко высказала предположение о наличии у донских славян патронимии, состоящей из родственных семей, которые селились поблизости друг от друга, занимая свой отдельный участок и выделяясь на могильнике компактно расположенными курганными насыпями, также образующими определенные группы. По мнению А. Н. Москаленко, в отдельных отраслях хозяйственной деятельности населения донских славянских городищ «присутствовало коллективное начало» [15, с. 101].

История донских славян протекала в достаточно тесных взаимоотношениях с южными соседями – населением салтово-маяцкой культуры, у которого уровень развития многих видов хозяйственной деятельности, безусловно, был выше, чем у славян лесостепного Дона. А. Н. Москаленко впервые затронула проблему контактов донских славян и населения салтово-маяцкой культуры. Она проанализировала керамику салтово-маяцкой культуры, встреченную

на славянских памятниках Подонья. Салтовская керамика на славянских памятниках Дона довольно разнообразна: кухонные горшки, столовая и тарная посуда. Кроме керамики с салтово-маяцкой культурой связаны отдельные вещи, обнаруженные и на поселениях, и в погребениях: перстни, бляшки, стеклянные браслеты, некоторые амулеты. А. Н. Москаленко подчеркнула, что «создается такое впечатление, что изучаемый нами район Подонья находится в больших контактах с населением этой (салтово-маяцкой. – А. В.) культуры, нежели славянские поселения Днепровского Левобережья и Верхней Оки» [там же, с. 139–141]. При этом она сделала вывод, что отношения двух соседствующих этносов носили характер скорее «добрососедских, чем враждебных» [там же, с. 141].

Рассматривая проблему контактов донских славян с соседними этносами, А. Н. Москаленко обратила внимание на наличие венгерских элементов в материалах донских славян. Этому вопросу у нее посвящена специальная статья [18], в которой она продемонстрировала хорошее знание источников и литературы по данной проблеме и в целом по раннесредневековой истории венгров. Так как движение венгров на пути к приобретению «родины» непосредственно связано с донским бассейном и по времени совпадает с пребыванием в бассейне Дона славян, то, естественно, А. Н. Москаленко не могла обойти такие вопросы, как время пребывания венгров в Восточной Европе, пути их движения, локализация Леведии, тем более, что многие исследователи Леведию в той или иной форме связывают с бассейном Дона. Проблема соотношения понятий Леведия и Ателькуза также заинтересовала А. Н. Москаленко.

Однако в центре ее внимания были все-таки вопросы славяно-венгерских отношений, которые являлись предметом дискуссии в литературе. При рассмотрении этих вопросов она привлекла данные письменных источников, топонимики. В поисках древностей, которые могут быть определены как венгерские, А. Н. Москаленко обратила внимание на высказанную рядом венгерских археологов мысль, что котлы с внутренними ушками (для подвешивания над очагом) могут быть отнесены к венгерским древностям. Также, по мнению А. Н. Москаленко, некоторые из открытых С. А. Плетневой в Приазовье поселений кочевников VII–IX вв. могли быть оставлены венграми. Сразу подчеркну, что котлы с внутренними ушками, как показали исследования последних десятилетий, не являются этническим признаком раннесредневековых венгров, они довольно широко распространены на памятниках салтово-маяцкой культуры, в том числе встречены и на Маяцком селище. А поселения кочевников («кочевья», по определению С. А. Плетневой) VII–IX вв. в Приазовье

и на Нижнем Дону связываются с болгарами и никакого отношения не имеют к венграм. Тем не менее ею установлено, что на славянских памятниках бассейна Дона имеется ряд предметов, которые можно связать с древневенгерскими. На Большом Боршевском городище встречена бронзовая бляха со следами позолоты и пальметками. Две венгерские бронзовые позолоченные бляхи обнаружены на Архангельском городище.

А. Н. Москаленко впервые предприняла попытку установить формы славяно-венгерских контактов в бассейне Дона. Она высказала предположение, что донские славяне испытывали определенное военное давление со стороны венгров в период пребывания последних в южнорусских степях, и в связи с угрозой нападения и разорения со стороны венгров на Титчихинском поселении были сооружены оборонительные конструкции. В то же время она подчеркнула, что ни одно поселение в IX в. из-за угрозы венгерских набегов не было покинуто населением или разорено, жизнь на них продолжалась и в последующем столетии [там же, с. 196].

Заканчивая анализ взглядов А. Н. Москаленко на историю и археологию донских славян, ее вклада в отечественное археологическое славяноведение, необходимо отметить, что мы остановились на многих вопросах и проблемах, которые стояли в центре исследования ученого. При этом, возможно, некоторые частные сюжеты, которые в свое время привлекли внимание А. Н. Москаленко и нашли отражение в ее статьях и книгах, остались за пределами данной статьи.

В 1973 г. А. Н. Москаленко уехала из Воронежа в Москву. Перед отъездом она успела завершить докторскую диссертацию по истории донских славян, но к защите не представила. Живя в Москве, она очень интересовалась, как развивается археология в Воронежском университете, очень радовалась изданию каждого археологического сборника, которые стала выпускать кафедра археологии и истории древнего мира ВГУ. Прекратив собственные научные исследования, А. Н. Москаленко старалась быть в курсе всех новинок археологической литературы, часто посещала заседания Отдела славяно-русской археологии Института Археологии АН СССР, участвовала в обсуждении докладов, сообщений. Ей поступали предложения представить к обсуждению в Отдел подготовленную докторскую диссертацию, но она категорически отказывалась, а в один из моих приездов в Москву передала ее экземпляр, считая, что эта рукопись, которая отражает итоги ее многолетней работы в области истории славян Верхнего и Среднего Дона, может быть очень полезна в учебной и научной работе со студентами, предполагая, что она будет храниться или в библиотеке университета, или на кафедре археологии и истории древнего мира.

В 1975 г. я был приглашен С. А. Плетневой для работы в составе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком комплексе памятников. С. А. Плетнева, зная, что имеется рукопись докторской диссертации А. Н. Москаленко, с которой она поддерживала хорошие контакты в Москве, предложила ей в 1979 г. на базе диссертации подготовить и издать итоговое исследование о донских славянах, согласившись стать научным редактором книги. И весь полевой сезон 1979 г. в свободное время С. А. Плетнева занималась редактированием книги, которая вышла в издательстве Воронежского государственного университета в 1981 г. за полтора месяца до смерти Анны Николаевны [15].

Несмотря на то что книга, как и диссертация, написана на материалах, которыми автор располагала на конец 60-х гг., т. е. на тот период, когда А. Н. Москаленко практически прекратила активные полевые работы, она была встречена специалистами весьма положительно и получила высокую оценку в ряде рецензий.

Прошло около 40 лет после выхода последней книги А. Н. Москаленко. За эти годы археологическая наука продвинулась далеко вперед в решении многих проблем истории восточного славянства в целом и региональных особенностей отдельных его групп, в том числе и донского славянства.

Вклад А. Н. Москаленко в изучение истории и археологии донских славян, проблемы, ею поднятые и получившие освещение в той или иной степени в ее публикациях, имеют большое значение не только для изучения раннесредневековой истории населения бассейна Верхнего и Среднего Дона. Наряду с работами И. И. Ляпушкина ею были впервые введены в научный оборот материалы памятника, раскопанного если не полностью, то во всяком случае на площади, которая до сих пор остается непревзойденной не только для лесостепного Дона, но и для других территорий восточнославянского мира, что позволило сделать ряд принципиально важных выводов, не потерявших свою значимость в наши дни. Об этом свидетельствуют рецензии на книги А. Н. Москаленко, в которых дается высокая оценка ее вкладу в изучение восточного славянства [19–22].

Конечно, время не стоит на месте. Работают ученики А. Н. Москаленко и не только в области славянской археологии. Работают ученики ее учеников. Открываются и исследуются новые памятники, уточняются, развиваются, а порой и пересматриваются, уже известные концепции. На новых материалах, с учетом хорошо известных и опубликованных возникают новые взгляды на исторический процесс в лесостепном Подонье в конце I – начале II тысячелетия н. э.

Однако значимость того, что было сделано А. Н. Москаленко в этой области на определенном этапе развития отечественной археологии, очень хорошо и точно подтверждается словами авторов рецензии на книгу А. Н. Москаленко «Славяне на Дону (боршевская культура)»: «Исследования А. Н. Москаленко вывели изучение донских славян на качественно новый уровень, показали своеобразие этой группы населения и ее место среди славянских древностей, окончательно перечеркнули мнение о Подонье как глухой окраине Древней Руси» [20, с. 115].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефименко П. П.* Древнерусские поселения на Дону / П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков // МИА. – 1948. – № 8. – 127 с.
2. *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) / Б. А. Рыбаков // СЭ. – 1948. – № 6–7. – С. 81–105.
3. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1948. – 184 с.
4. *Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX–XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам / И. И. Ляпушкин // МИА. – 1941. – № 6. – С. 191–246.
5. *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1965. – 310 с.
6. *Ляпушкин И. И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры / И. И. Ляпушкин // СА. – 1947. – ШЧ. – С. 121–136.
7. *Ляпушкин И. И.* Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья / И. И. Ляпушкин // СА. – 1952. – XVI. – С. 7–41.
8. *Москаленко А. Н.* Раскопки на Архангельском городище в 1952–1953 гг. / А. Н. Москаленко // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 84–94.
9. *Москаленко А. Н.* Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона / А. Н. Москаленко // Славянский сборник. – Воронеж, 1958. – I выпуск, исторический. – С. 137–145.
10. *Ляпушкин И. И.* О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII–X вв. / И. И. Ляпушкин // КСИИМК. – 1957. – Вып. 68. – С. 3–13.
11. *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И. И. Ляпушкин // МИА. – М. ; Л., 1958. – № 74. – 328 с.
12. *Москаленко А. Н.* Святилище на р. Воргол / А. Н. Москаленко // СА. – 1966. – № 2. – С. 203–209.
13. *Русанова И. П.* Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук. – М. : Ладога-100, 2007. – 304 с.

14. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов // Археология СССР. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
15. Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1981. – 161 с.
16. Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко // Вопросы истории славян. – Воронеж, 1966. – Вып. 2. – С. 114–144.
17. Москаленко А. Н. К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона / А. Н. Москаленко // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 108–110.
18. Москаленко А. Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего Дона / А. Н. Москаленко // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 189–196.
19. Ангелов Димитр [Рецензия] / Димитр Ангелов // Археология. – 1982. – № 3–4. – С. 80–81. – Рец. на кн.: Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1981. – 180 с.
20. Дубов И. В. [Рецензия] / И. В. Дубов, Е. Н. Носов, А. Д. Столяр // Вестник ЛГУ. – 1983. – № 14. – С. 113–115. – Рец. на кн.: Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1981. – 180 с.
21. Синюк А. Т. Страницы истории Подонья [Рецензия] / А. Т. Синюк // Подъем. – 1982. – № 6. – С. 141–142. – Рец. на кн.: Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура) / А. Н. Москаленко. – Воронеж, 1981. – 180 с.
22. Dostal V. [Рецензия] / V. Dostal // Sbornik praci filosoficke fakulty Brnenske university. – Rocnik XV (E) s. 11. – Brno, 1966. – S. 144–148. – Рец. на кн.: Moskalenko A. N. Gorodise Titcicha. Iz istorii drevnerusskich poselenij na Donu / A. N. Moskalenko. – Voronez, 1965.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГУ – Воронежский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография

*Воронежский государственный университет
Винников А. З., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: medieval@hist.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-14*

*Voronezh State University
Vinnikov A. Z., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Archaeology and Ancient History Department
E-mail: medieval@hist.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-14*